

М.Н. КАТКОВ
(1818—1887)

**<Из передовых статей «Московских
ведомостей» за 1863 г.>**

Москва, 12 апреля. Мы называем себя верноподданными. Мы воздаем должный почет Царю как верховному лицу, от которого все зависит и все исходит. Но не в эти ли минуты понимаем мы все значение Царя в народной жизни? Не чувствуем ли мы теперь с полным убеждением и ясностью зиждательную силу этого начала, не чувствуем ли, в какой глубине оно коренится, и как им держится, как замыкается им вся сила народного единства? Кому не ясно теперь, как дорого это начало для всякого гражданина, любящего свое отечество? В ком живо сказалось единство отечества, в том с равною живостью и силою сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свои обычаи; есть целые страны, с своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти, — в Царе, в живом всеповершающем олицетворении этого единства. В России есть

господствующая церковь, но в ней же есть множество всяких исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноречные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что может быть исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству, Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли. Никакие изменения в нашем политическом быте не могут умалить или ослабить значение этой идеи. Все преобразования, какие совершаются и будут совершаться у нас, могут послужить только к ее возвышению и усилению...

Москва, 22 апреля. Нельзя сказать, чтобы Россия до сих пор поступала слишком стремительно и слишком увлекалась патриотическим пылом своих обитателей. Никак нельзя сказать, чтобы до сих пор наша печать обнаружила чрезмерную раздражительность народного чувства под влиянием тех угроз и оскорблений, которые сыпались на наше общество со всех сторон, в то время когда оно менее, чем когда-либо заслуживало подобного обращения. Увы! напротив, наше равнодушие, наше молчание, наше непоколебимое спокойствие, удивило иностранцев и послужило для них признаком (к счастью обманчивым) нашего полного нравственного упадка.

И в печати, и в законодательных собраниях одним из самых сильных аргументов против нас было то, что Россия будто бы находится теперь в совершенном

разложении, что целые классы народонаселения исполнены революционных элементов, что внутри Империи готово вспыхнуть повсеместное восстание, что целые области ежеминутно готовы отложиться, и что при малейшем толчке все это громадное тело рассыплется в прах.

К стыду нашему, иностранцы на этот раз не из ничего сочиняли свои взгляды на Россию: кроме обильного материала, доставлявшегося им польскими агитаторами, иностранцы могли черпать данные для своих заключений и в русских источниках. Никогда, нигде умственный разврат не доходил до такого безобразия, как в некоторых явлениях русского происхождения. Для иностранцев довольно было иметь хотя поверхностное понятие о том, что печаталось по-русски, например, в Лондоне, и знать при том, что весь этот отвратительный сумбур, невозможный ни в какой литературе, пользовался в России большим кредитом, что русские люди разных сословий пилигримствовали к этим вольноотпущенным сумасшедшего дома, питались их мудростью и возлагали на них надежды в деле обновления своего отечества. До иностранцев доходили слухи о не менее диких явлениях во внутренней русской литературе, развивающейся под благословением цензуры, о состоянии наших учебных заведений, об удивительных проектах перестройки всех существующих отношений, о процветании всевозможных бредней, какие когда-либо и где-либо приходили в голову эксцентрическим и больным умам, и о том, что все эти нелепости не встречали себе сильного противодействия в общественной среде, — и иностранцы заключали, что в этой среде нет ни духа, ни силы, что наш народ вырождается, что он лишен всякой будущности. Стоило любому иностранному

наблюдателю, — а таких не могло не быть в канцеляриях разных европейских посольств, — стоило немного прислушаться к тому, что серьезно говорилось в Петербурге, присмотреться к тому, что там делалось вокруг, чтобы вынести полное убеждение в совершенном разложении нашего общественного организма. Мог ли иностранный обозреватель подозревать, что атмосфера, в которой он производил свои наблюдения, есть атмосфера фальшивая? Мог ли он думать, что все это не более как кошмар, сон дурной ночи, причиненный неумеренным употреблением гашиша? Прежде Россия была для иностранного наблюдателя страной загадок, — и действительно ни об одной стране не было столько мифических сказаний, как о России. Но в последнее время наблюдатель считал себя вправе думать, что слово загадки найдено, и что таинственная страна стала ему ясна во всей своей безнадежности. Иностранный наблюдатель крепко уверился, что Россия есть призрак, и должна исчезнуть как призрак. Если же в нем оставалось какое-нибудь сомнение в этом, то оно должно было уступить заявлениям *русских агитаторов*. Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа, и обещали ему фантастические благополучия, подобно революционерам всех стран и народов. Иностранный наблюдатель видел в этом явлении более или менее ему знакомое, и не объясняя себе причин, удивлялся только тому, что весь этот вздор в русской цивилизации пользуется кредитом. Но вот теперь дело становится ему яснее и убедительнее. Наши революционеры обнажили перед ним все красоты свои, и он отступает перед этою картиной, со стыдом и омерзением. Он видит перед собою нечто небывалое и

неслыханное. В иностранных газетах приводятся избранные красоты из русско-лондонских изданий, в которых еще так недавно, к стыду нашему, многие русские люди слышали призывный голос обновляющейся России, и иностранные публицисты вчуже приходят в негодование, цитируя места из «Колокола», и вчуже до некоторой степени отстаивают, если не нынешнее, то по крайней мере прошлое значение русского народа от нареканий со стороны его собственных выроdkов. Мало того, что эти выроdkи перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию и осыпают циническими ругательствами русских, выразивших за границей робкое сочувствие русскому делу подпискою в пользу раненых русских воинов, — они ругаются над русским народом вообще...

Катков М.Н.

Собр. передовых статей «Московских ведомостей».

1863 год. М., 1897.